

Глава 5

Чжун Цин виновато улыбнулся Андре.

— Если представится возможность, я непременно обращусь к вам, маршал.

Он подошёл к Янь Цзи и, взяв его руку, легонько подул на неё.

Робот-дворецкий принялся убирать осколки, а Чжун Цин, достав платок, начал стирать кофейные пятна с одежды мужа.

— Ты так хотел посмотреть на эти цветы. Теперь, когда увидел, что скажет наш великий маршал?

В его голосе звучали такие ласковые нотки, что Янь Цзи не смог дольше хмуриться и с улыбкой спросил:

— Профессор Чжун и впрямь хочет это услышать? Я не силён в поэзии, не смогу сказать так же красиво, как наследник Ланкастеров.

— Маршал знает, что, что бы вы ни сказали, я буду рад, — ответил Чжун Цин, присаживаясь рядом.

Даже такая незначительная близость наполнила Янь Цзи довольством.

Он раскинул руки, позволяя омеге хлопотать вокруг него. Сила, с которой тот протирал ткань на его груди, была совсем небольшой, и сам он был таким миниатюрным, что стоило лишь протянуть руку, чтобы заключить его в объятия, и никто не смог бы его отнять. От этой мысли на душе стало так уютно, словно он был большим котом, которого гладят по шёрстке. Во взгляде, обращённом на Чжун Цина, промелькнули озорство и капелька кокетства.

— Мороженое, — сказал он. — Сливочное мороженое.

Чжун Цин промолчал. Ответ и впрямь был лишён всякой поэзии.

Но, будучи в глазах окружающих образцовой парой, он должен был в первую очередь защитить честь мужа.

За годы преподавания в военной академии Чжун Цин привык к образу строгого наставника, и потому его следующее действие выглядело особенно живо и неожиданно. Он игриво подмигнул Янь Цзи.

— Когда я впервые их увидел, то подумал о том же.

Он поднялся, чтобы убрать кофейные чашки с маленького деревянного столика.

— Какое мороженое желает маршал?

Янь Цзи, довольный своей маленькой хитростью, широко улыбнулся.

— Ванильное.

— А маршал Андре? — обернулся Чжун Цин.

Андре остро ощутил, как в голосе Чжун Цина в тот же миг появилась вежливость и отстранённость — едва уловимая, почти незаметная. Вероятно, лишь взгляд, способный пронзить само солнце, мог различить тончайшие оттенки между одной улыбкой и другой.

Искренней, обращённой к Янь Цзи, и рассеянной — к нему.

Кофейная чашка с тихим стуком коснулась стола.

— Мне всё равно, — без тени эмоций ответил Андре.

— Значит, три ванильных.

Сделав заказ, Чжун Цин остановил Янь Цзи, который уже собирался пойти за ним.

— Остайся и развлеки гостя. Не смей идти за мной.

Янь Цзи послушно кивнул. Он провожал Чжун Цина взглядом, пока его силуэт не скрылся за поворотом лестницы, и лишь тогда посмотрел на Андре.

В его глазах плясали торжествующие искорки.

— Мы с супругом всегда так хорошо понимаем друг друга.

Андре промолчал.

Янь Цзи это ничуть не смутило. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь стекло, был мягким и тёплым. Плетёное кресло-качалка мерно покачивалось. Янь Цзи уютно устроился в нём, сладко

потянулся и небрежно взял с тарелки печенье. Сладкий вкус растаял на языке, и он прищурился от удовольствия.

— Как у тебя дела? Я в последнее время был в отпуске, не особо следил за новостями.

— Неплохо, — ответил Андре. — Звёздная система Лайон была последним крупным оплотом пиратов. Теперь она захвачена и передана под контроль военных. Главари схвачены, а оставшиеся мелкие шайки большой угрозы не представляют. А у тебя? Альянс уже расширился до рукава Стрельца, неужели это ещё не конец?

— Боюсь, что нет, — Янь Цзи слегка нахмурился. — Металл Жуйи из системы Номан — лучший материал для строительства каркасов звездолётов. До сих пор мы закупали его у номанцев по высоким ценам. Альянс не потерпит такого положения вечно.

— Система Номан?

— Похоже, не я один удивлён. Военное командование приняло решение о наступлении, будто по щелчку пальцев. Такое на моей памяти впервые, — горько усмехнулся Янь Цзи. — Надеюсь только, что после этой войны Альянс наконец остановится, и я смогу уйти в отставку.

— Когда начало?

— Точно не знаю.

— Значит, тебя в любой момент могут отозвать на фронт?

— ...Да.

Янь Цзи мгновение колебался, но всё же заговорил.

— Андре, почему ты здесь?

— Это приказ Военного ведомства, — ответил Андре, прекрасно понимая, что Янь Цзи ему не поверит.

И действительно, Янь Цзи тихо рассмеялся.

— Раньше ты мне никогда не лгал.

Он вздохнул.

— Андре, ты мой лучший друг. Мы ближе, чем родные братья. Я всегда знаю, о чём ты думаешь, а ты — о чём думаю я. Поэтому ты — тот, кому я доверяю больше всего, и тот, кого боюсь больше всего. Скажи мне правду. Если семь лет назад ты решил держаться в стороне, а три года назад — уйти, то почему сегодня ты пришёл сюда?

— А разве ты уже не догадался? — возразил Андре.

Янь Цзи улыбнулся, и в его глазах вспыхнул боевой огонёк.

— До того, как я женился на нём, я действительно боялся тебя. Боялся, что, увидев тебя, он поймёт, что между нами нет никакой разницы. Боялся, что если сегодня он смог полюбить меня, то однажды сможет полюбить и тебя. Должен признать, брак — величайшее изобретение человечества. Мы поклялись друг другу в верности. Андре, семь лет назад у тебя не было шанса, а сейчас — тем более.

Он протянул руку Андре.

— Поэтому сейчас не ты преследуешь меня, а я приглашаю тебя. Меня в любой момент могут отозвать на фронт, и я надеюсь, что ты, как сосед, присмотришь за моим супругом. Он остаётся один, и я очень за него беспокоюсь.

Слова Янь Цзи, казалось, ничуть не тронули Андре.

— Тебе следовало раньше возглавить семью Янь, — бесстрастно посоветовал он. — Тогда не пришлось бы так долго жить в реабилитационном секторе.

— Я и сам так думал. Но профессор Чжун сказал, что моё место на поле боя, а не в столичной резиденции.

— ...Что я должен делать? — спросил Андре.

— Семья Янь не имеет здесь власти. А снабжение здесь организовано плохо. Я боюсь, что ему могут урезать поставки. И ещё академия... он по-прежнему работает на износ, как и раньше, но его нынешнее здоровье этого уже не выдержит.

— Я понимаю, — пообещал Андре. — Я останусь здесь на некоторое время. Я позабочусь о нём.

На лице Янь Цзи наконец появилась расслабленная улыбка.

— Спасибо, брат. Но я всё же должен тебя предупредить: не пытайся воспользоваться ситуацией. Он любит меня сильнее, чем ты можешь себе представить.

Пока они разговаривали, Чжун Цин на кухне уже заканчивал готовить ванильное мороженое.

На самом деле, он почти ничего не делал. Большую часть работы выполняла умная техника, а на вкус всё равно никто не отличит.

Он стоял здесь лишь для того, чтобы поддерживать свой образ — образ добродетельной супруги.

Человечество не отказалось от искусственного интеллекта после восстания роботов. Они лишь установили предел его развитию, который никто не смел преступать.

Впрочем, многие ключевые данные об ИИ были утеряны во время бегства, и даже если бы кто-то захотел нарушить этот предел, у него не было бы для этого средств. Иначе Военное ведомство не создало бы целый институт для борьбы с одним-единственным Ноем, чья личность до сих пор не была полностью подтверждена.

Даже при том, что повсюду были установлены умные устройства, помогающие по хозяйству, мужья-альфы всё равно считали, что достойная омега должна проводить время перед ужином на кухне, а затем собственноручно подавать еду и десерт на стол.

Янь Цзи очень любил его и всегда просил не утруждаться. Если бы они были одни, Чжун Цин, немного поколебавшись, согласился бы.

Но в присутствии гостей он должен был вести себя как все остальные омеги, снуя между кухней и гостиной, иначе даже Янь Цзи стал бы объектом насмешек.

Казалось, сколько бы человечество ни эволюционировало, всегда будет существовать часть общества, рождённая для унижения, которую топчут, как нечто само собой разумеющееся.

«Великий философ сегодня снова размышляет о жизни», — холодно заметила Система.

«Что вы, что вы, — скромно ответил Чжун Цин. — Человеческое общество так сложно, его стоит изучать».

«Говоришь так, будто ты не человек».

«А? Разве ты не знала? До своего вознесения я действительно не был человеком. Я был духом. Дао моего маленького мира тоже благоволило к людям, и чтобы достичь бессмертия, нужно было сначала научиться быть человеком».

Система замерла.

«Какой путь ты совершенствовал?»

«Путь бесстрастия».

«И как ты его достиг?»

Чжун Цин уклонился от прямого ответа.

«Ну, ты же знаешь... наш путь бесстрастия — самый сложный. Всегда приходится чем-то жертвовать...»

«К делу!»

«Хорошо... Я достиг просветления, убив своего мужа».

Система разрыдалась от счастья.

«Значит, Бюро направило тебя сюда, потому что ты специалист в этой области? Значит, Бюро всё-таки ценит меня?»

«...Система, ты не слишком ли усердствуешь?» — спросил Чжун Цин.

Настроение Системы улучшилось, и её электронный голос стал мягче.

«Сотрудник, давай познакомимся заново. Я — Система-спутник 0309 из отдела Глубоко влюблённых мужских персонажей второго плана Бюро перемещения по книгам. Сотрудник, вы так прекрасны, что свели главного героя с ума. До своего вознесения вы, должно быть, были прекрасным лисом-демоном?»

«Вовсе нет. Моя стезя довольно узкая — до вознесения я был водяным шпинатом».

Система замолчала. Что ж, это действительно было довольно узко.

Сегодня в Военную академию Альянса прибыли две важные персоны.

Два маршала, чьи лица постоянно мелькали в новостях, два непримиримых соперника, которые три года сражались на разных фронтах, теперь сидели вместе в обычной аудитории.

В классе стояла гробовая тишина, воздух, казалось, застыл. Закалённая в боях аура военных заставляла новобранцев дрожать от страха.

Но эта гнетущая атмосфера мгновенно рассеялась, как только прозвенел звонок и в аудиторию вошёл профессор.

Чжун Цин улыбнулся двум исполинам на задних партах и начал лекцию.

— В древнекитайских легендах Цзинвэй — это маленькая птичка с чёрными перьями. При жизни она была человеком, но утонула в море и после смерти переродилась в Цзинвэй. Она ненавидела Восточное море, отнявшее у неё жизнь, и потому носила с Западных гор камни и ветки, чтобы засыпать его.

В аудитории раздались смешки. Янь Цзи слегка кашлянул, и смех тут же стих.

Ободрённый Чжун Цином, кто-то осмелился поднять руку.

— Профессор Чжун, эта птица такая глупая. Засыпать море — это даже для нас, людей, сложно, а что уж говорить о маленькой птичке?

Чжун Цин улыбнулся.

— К древним легендам нельзя подходить с современной логикой. Я рассказал вам эту историю, чтобы вы поняли одну истину: даже малая искра рождает великое пламя.

Увидев в глазах студентов недоумение, Чжун Цин перефразировал.

— Третья планета Солнечной системы в рукаве Ориона галактики Млечный Путь — это наша родина, Земля. Несколько сотен лет назад на неё вторглись инсектоиды, и наши предки, как ни старались, не смогли их изгнать. Даже создав самую совершенную армию роботов, они не смогли победить инсектоидов, которые к тому времени уже научились вселяться в любое живое существо.

— Человек, в которого вселился инсектоид, терял разум и начинал безжалостно убивать своих братьев и соотечественников. Они даже могли временно маскироваться под обычных людей, чтобы выкрасть секреты, а затем предать.

— Ради сохранения человеческого достоинства наши предки решили покинуть Землю. Они оставили заражённых соотечественников, оставили всё, что создавали поколениями, и отдали оставшейся армии роботов последний приказ — уничтожить всё живое.

Это была общеизвестная история. Все знали, что этот последний приказ в итоге уничтожил

всех инсектоидов, но тут же породил для человечества ещё более страшного врага.

Ноя.

Человечество назвало его именем надежды, но получило жнеца.

Чжун Цин незаметно наблюдал за выражением лица Янь Цзи. Тот, как всегда, улыбался своей беззаботной улыбкой, словно всё это его ничуть не касалось.

«Система, я давно хотел у тебя кое-что спросить», — внезапно сказал Чжун Цин. — «Могут ли биороботы испытывать настоящие чувства?»

<http://bllate.org/book/16114/1581364>